

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ДИСКУРСЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. В. РАДЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные тренды социодинамики культуры в эпоху постсовременности, которые детерминированы процессами глобализации. Анализ данного феномена претерпевает определенные трансформации в современном социально-философском дискурсе – от его ярко выраженных оценок в терминах гомогенизации, стандартизации и конвергенции к тенденциям партикуляризма, сепаратизма и четко артикулированной дивергенции. Исследование этих процессов позволяет выделить основные особенности социодинамики современного общества, обозначить основные векторы культурного развития мировой цивилизации, выявить позитивные и негативные стороны глобализации на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: культура; глобализация; конвергенция; дивергенция; социодинамика культуры; идентификация.

THE MAIN TRENDS IN THE SOCIODYNAMICS OF CULTURE IN THE TRANSFORMING DISCOURSE OF GLOBALIZATION

E. V. RADEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the main trends in the socio-dynamics of culture in the post-modern era, which are determined by the processes of globalization. The analysis of this phenomenon also undergoes certain transformations in modern social and philosophical discourse – from its pronounced assessments in terms of homogenization, standardization and convergence to trends of particularism, separatism and clearly articulated divergence. Analysis of these processes makes it possible to identify the main features of the sociodynamics of modern society, to identify the main vectors of cultural development of world civilization, to identify the positive and negative aspects of globalization at the present stage of development of society.

Keywords: culture; globalization; convergence; divergence; sociodynamics of culture; identification.

Процесс глобализации, активная фаза которого началась в последней трети XX в., существенным образом повлиял на все сферы жизни общества. Особым статусом обладают трансформации в сфере культуры. В связи с этим цель статьи – определение основных тенденций социодинамики культуры

в условиях глобализации и современного вектора глобализационных трансформаций, их оценка в социально-философском дискурсе. Задачи исследования: 1) выявление основных тенденций глобализации культуры в современном обществе; 2) экспликация доминирующих трендов социодинамики

Образец цитирования:

Радевич ЕВ. Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:41–46.

For citation:

Radevich EV. The main trends in the sociodynamics of culture in the transforming discourse of globalization. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3:41–46. Russian.

Автор:

Екатерина Владимировна Радевич – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Ekaterina V. Radevich, senior lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
katrin_frol@mail.ru

культуры в эпоху постсовременности; 3) установление актуального вектора феномена глобализации на современном этапе социокультурного развития.

Основные методы исследования: системный анализ основных тенденций социодинамики культуры, интерпретирующий анализ современных концепций глобализации культуры.

Один из главных вопросов в контексте обсуждения социокультурных последствий глобализации – это вопрос о том, становятся ли представители разных культур все более и более похожими друг на друга либо современное состояние мирового сообщества демонстрирует нам обратную тенденцию. Эта проблема наиболее часто обсуждается в дискуссиях о глобализации культуры, и она же разделяет современных исследователей на два лагеря.

Можно выделить группу пессимистически настроенных мыслителей, которые полагают, что мировое сообщество развивается в направлении единообразия, все меньше демонстрируя культурное разнообразие. Ссылаясь на диффузию англо-американских ценностей (в том числе товаров народного потребления) по всему миру, адепты тезиса о культурной гомогенизации утверждают, что западные нормы и образ жизни подавляют более уязвимые культуры. Тем не менее существует достаточно примеров того, как некоторые страны предпринимают попытки противостоять культурному империализму: например, запрет на спутниковые тарелки в Иране, установление квот на импорт кино- и телевизионных продуктов во Франции.

Однако тенденции к единообразию можно наблюдать и внутри самих стран-гегемонов. Американский социолог Дж. Ритцер ввел понятие «макдональдизация» [1] для описания широкого круга социокультурных процессов, в силу которых принципы ресторана быстрого питания начинают все более доминировать во всех сферах не только американского общества, но и всего мира. При поверхностном рассмотрении эти правила кажутся вполне рационально обоснованными. Они предлагают, казалось бы, эффективные способы быстрого обслуживания людей, но за фасадом красивых рекламных лозунгов скрываются весьма серьезные проблемы. Во-первых, это низкая питательная ценность фастфуда, большое количество содержащихся в нем жиров, которые приводят к серьезным проблемам со здоровьем – ожирению, диабету, развитию болезней сердца. Во-вторых, безликие, рутинные операции и однообразные алгоритмы работы, принятые в так называемом рациональном быстром обслуживании, фактически приводят к дегуманизации человеческих отношений и стандартизации образа жизни, нивелируют творческую активность индивида, так как его труд превращается в выполнение последовательных автоматизи-

рованных операций и сводится к точному соблюдению инструкций.

Такой же пессимистической точки зрения придерживается американский политолог Б. Барбер, который в своей книге «Потребленный: как рынки развращают детей, инфантилизируют взрослых и поглощают всех граждан» выступает против этоса инфантильности, поддерживаемого глобальным капитализмом, превращающего взрослых в детей благодаря рекламе и товарам массового потребления, а детей – в потребителей [2].

Среди исследователей глобализационных изменений в сфере культуры есть и оптимисты, которые также соглашались с тем, что глобализация ведет к культурному единообразию, но видят в этом положительную сторону. Например, Ф. Фукуяма приветствует распространение англо-американских ценностей и соответствующего образа жизни по всему миру, приравнивая этот процесс к расширению демократии и свободного рынка [3].

Тем не менее тезис о гомогенизации и стандартизации всего мира еще не означает, что всему культурному разнообразию планеты суждено исчезнуть навсегда. Многие авторитетные мыслители высказывают мнение о том, что глобализация вызывает к жизни новые формы культурного самовыражения и актуализирует самобытные национальные черты [4]. В частности, Р. Робертсон утверждает, что глобализация часто реанимирует местные культурные особенности [5]. Следовательно, вместо того чтобы быть полностью поглощенными западной масс-культурой, локальные черты и национальные особенности по-прежнему играют важную роль в создании уникальных культурных образований. Аргументируя тезис о том, что культурная глобализация всегда разворачивается в локальном контексте, Р. Робертсон использует понятие «глокализация», которое означает единство глобального и локального, которое подразумевает культурное взаимообогащение.

Вышеназванные доводы скептиков и оптимистов не обязательно являются несовместимыми. Современный опыт жизнедеятельности, осуществляемый поверх культурных границ, свидетельствует не только о потере традиционных символических форм, но и о создании новых культурных смыслов. Глобализация культуры способствует значительному расширению сознания людей, когда понятие «национальное сообщество» устаревает и появляется глобальное мировоззрение, предполагающее активное культурное взаимодействие, в рамках которого формируется межкультурный диалог. Традиционная дихотомия *Восток – Запад* теряет свою актуальность в транснациональном социальном пространстве, или «глобальном космополитичном обществе», как его обозначил Э. Гидденс [6, с. 35]. В процессе межкультурной коммуникации о себе

заявляют локальные этнические группы, небольшие народности, которые претендуют на то, чтобы их интересы и права не ущемлялись. Усиление тенденции к локализации в условиях становления глобального социокультурного пространства указывает на то, что *глобализация на современном этапе социодинамики становится фактором дивергенции мирового сообщества*. Последняя проявляется в сепаратистских и фундаменталистских движениях, военных конфликтах (Сирия, Украина), а также недавнем решении Великобритании выйти из Евросоюза (*Brexit*). Кроме того, дивергентные процессы в мире усиливаются в результате вызовов, с которыми сталкивается человеческая цивилизация на рубеже столетий: мировой финансово-экономический кризис; эколого-климатические проблемы, число которых увеличивается наряду с интенсивным ростом технологического развития человечества; гуманитарный, ресурсно-сырьевой и энергетический кризисы; распространение терроризма. Все эти явления обостряются в эпоху глобализации, что позволяет сделать вывод о том, что именно глобализация не только ускоряет, но и порождает многие кризисные ситуации [7].

Интенсификация глобализационных процессов активизирует усилия по сохранению, возрождению и укреплению национальных, этнических и других форм коллективной идентичности. Такого мнения придерживается, в частности, Д. Келлнер: «Стремление к идентичности, возможно, более интенсивно в настоящий момент, чем когда-либо»¹ [8, р. 256]. Автор соглашается с тем, что идентичность в современной постмодернистской ситуации наиболее сильно подвержена изменениям и наименее устойчива и едина, чем прежде. В некоторой степени это результат разрушительного воздействия медиакультуры: «Реклама, мода, телевидение и средства массовой информации постоянно дестабилизируют идентичность и вносят свой вклад в производство более нестабильной, подвижной и постоянно изменяющейся идентичности на современной культурной сцене» [8, р. 256].

В то же время в различных частях современного мира можно заметить признаки возвращения к трайбализму и различным формам коллективной идентичности: национальной, этнической, религиозной. Это не означает, что национальная идентичность стала реликтом прошлого или скоро им станет. Наоборот, многие исследователи считают, что национальная идентичность остается для большинства людей одной из важнейших форм коллективной идентичности. Э. Смит говорит о том, что она принципиально значима по ряду причин: у нее повсеместный характер, она широко распространена и глобальна (нет ни одной сферы деятельности, которая не была бы затронута на-

циональными мотивами), в силу существования огромного количества народов и национальных идентичностей национальные аспекты манифестируются в социальных, политических и идеологических движениях, течениях и направлениях [9, р. 143]. Таким образом, вышеназванные тенденции актуализации этнической, национальной и религиозной идентичности более свидетельствуют о наличии дивергентных процессов в условиях глобализации, чем о конвергенции мирового сообщества.

С учетом сложности глобальных культурных процессов вполне ожидаемы их неравномерные и противоречивые последствия. В определенных обстоятельствах эти глобальные культурные потоки могут изменить традиционное проявление национальной идентичности в сторону некоторой гомогенности. В других случаях они могут способствовать выражению нового культурного партикуляризма, в иных – поощрять формы культурной гибридности. В связи с этим в современном мире едва ли можно увидеть общество, обладающее аутентичной, самодостаточной культурой при наличии процессов американизации, обезличивающих другие культуры, о которых говорят многие исследователи. В то же время тем мыслителям, которые поддерживают идеологию вестернизации и распространение консьюмеризма, не следует забывать о негативных последствиях этих процессов: массовизации культуры, резком сокращении традиционных особенностей, коммерциализации природы и общества.

У СМИ особая роль в процессе культурной глобализации. В значительной степени современные культурные потоки генерируются и режиссируются глобальными медиаимпериями, распространяющими свои идеи и сообщения посредством коммуникационных технологий. Насыщая мировую культурную среду шаблонными телешоу, бессмысленными рекламными роликами, эти корпорации все чаще формируют по всему миру идентичность людей и определяют их желания.

Культура и финансовая сфера становятся неразрывно связанными друг с другом, и в результате такого вынужденного сотрудничества возникают определенные негативные последствия. Телевидение коммерциализируется, демонстрируя ориентацию на массового зрителя, а не на серьезный контент. В последние десятилетия новостные и образовательные программы превращаются в развлекательные шоу. Партнерские отношения между медиакомпаниями и компаниями, производящими развлечения, уже становятся нормой.

Характеризуя основные тенденции, сложившиеся в процессе социокультурной глобализации, выделим следующие из них:

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Р.

1. В современной социокультурной ситуации наиболее приемлемый способ взаимодействия – *полилог* культурных традиций, т. е. равное партнерство, кооперативное взаимодействие. В этом проявляется идеология полицентризма мирового сообщества, поддерживаемая многими исследователями. В то же время наблюдается однозначный перевес в сторону западных приоритетов, которые часто навязываются иным регионам мира, преподносятся им как идеальный образ жизни и универсальная система ценностей. Такая экспансия вестернизации вызывает резкое неприятие со стороны арабо-мусульманского населения и народов иных азиатских регионов. Более того, вестернизированный образ жизни и мышления в условиях глобализации чаще всего превращается в американизацию. Экстраполяция по всему миру американской идеологии приводит к тому, что идеалы консьюмеризма и массовой культуры целенаправленно насаждаются с целью укрепить статус глобального гегемона в политико-экономической, ценностной и идеологической сферах общественной жизни. Это подтверждается многочисленными социологическими, экономическими и культурологическими исследованиями. Так, Н. Холлис, анализируя покупательскую способность в разных регионах мира (США, Бразилии, Мексике, России и Китае), отметил, что в российском регионе при выборе того или иного товара потребители ориентируются скорее на иностранную марку (особенно известную американскую компанию), чем на отечественного производителя: «Вера в то, что иностранный бренд обычно более высокого качества или что его потребление помогает определить статус человека, отнюдь не ограничивается Россией, но только там мы находим такое сильное, негативное отношение к местным брендам» [10, р. 14].

2. Ослабление статуса национального государства также способствует усилению унификации и гомогенизации (государство лишается монополии на принятие политических решений как внутри себя, так и на международной арене). Некоторые исследователи рассматривают этот факт как позитивный. Б. Нейчман, например, полагает, что нации имеют более долговечное существование, чем государства, и выдвигает тезис, подтверждающий идею культурной детерминации всех политических трансформаций: «Государства приходят и уходят, национальности остаются» [11, р. 233]. Считаем такое утверждение довольно гиперболизированным, выражающим крайнюю этноцентрическую точку зрения. Тем не менее можно с уверенностью отметить, что сегодня все чаще наблюдаются проявления локализации и партикуляризма, что свидетельствует о том, что формирование монокультурного мира – весьма преувеличенная абстракция.

3. Постепенное нивелирование национальных культурных особенностей, ценностей и обычаев, которые составляют основу культурной традиции, – это следующая тенденция, которая логически вытекает из предыдущей. Разрушение традиции – одно из самых существенных негативных последствий глобальных социокультурных изменений: «Без опоры на традицию как главного механизма сохранения и трансляции социокультурного опыта теряется способность к воспроизводству культуры» [12].

П. Шнайдер, анализируя основные тренды глобализации, обратил внимание на культурную модернизацию, которая усиливается экономической глобализацией, широким распространением телекоммуникационной инфраструктуры и ведет к постепенной маргинализации традиционных культур. Автор предсказывает их исчезновение до конца XXI в.: «Дети традиционных обществ растут в западной одежде, едят западную еду, слушают западную музыку и (что самое главное) думают западные мысли» [13, р. 23].

4. Тенденция к унификации культуры в связи с использованием английского языка как языка глобальной (научной, культурной, политической) коммуникации способствует международному диалогу и позволяет избежать эффекта «Вавилонской башни», но и одновременно таит в себе определенного рода опасности, поскольку язык является носителем и транслятором социальных и культурных кодов, традиций и национального характера, специфики общественного сознания и восприятия мира. Именно посредством языковых структур задается понимание, семантическая интерпретация мира в границах национального и культурного менталитета. Трансформация национальных языков происходит под действием единого глобального средства коммуникации.

5. Глобализация в сфере культуры повлекла за собой явное преобладание массовой культуры, тиражируемой глобальными СМИ. Благодаря своей простоте и доступности масскульт становится механизмом культурной экспансии и культурного империализма, инструментом пропаганды преимущественно американских ценностей. Как фундамент глобальной транснациональной культуры, массовая культура усиливает стандартизацию и унификацию мирового сообщества: «Массовая культура характеризуется всеобщностью, охватывающей широкую срединную часть современного общества, затрагивая тем или иным образом и состоятельную элиту, и маргинальные слои» [14, с. 412].

6. Кризис механизмов идентификации как следствие разрушения национальных и культурных особенностей под действием тенденций унификации и гомогенизации ведет к маргинализации,

усилению партикулярных тенденций и нарушению фундаментальных связей в культуре. Кризис идентичности затрагивает все ее возможные индивидуальные и групповые формы – от национальной и этнической вплоть до такой формы идентичности, которая всегда мыслилась как примордиальный феномен (гендерная принадлежность). Примером гендерной неопределенности является участие и победа представителя Австрии в образе девушки с бородой на международном конкурсе «Евровидение-2014».

С. Хантингтон подчеркивал преимущественно этнорелигиозную идентичность, говоря о том, что можно быть наполовину арабом или французом, но быть наполовину мусульманином или наполовину католиком невозможно [15].

В результате кризиса идентификации начинают складываться новые формы самоопределения, продиктованные логикой глобального информационного (или сетевого) общества. Такая мысль находит свое отражение в работах М. Маклюэна, который обосновал идею единения человечества при помощи средств массовой коммуникации в «глобальную деревню» [16]. В современном философском дискурсе трансформация представлений о глобализации оценивается с позиций дивергенции мирового целого, в связи с чем можно сказать, что идея М. Маклюэна не может быть столь однозначна. Что касается сложившейся социокультурной ситуации, то мы часто можем наблюдать обратную тенденцию: *вместо объединения и консолидации современное общество фрагментируется, распадается в соответствии с собственными интересами, обособляясь в отдельные группы и фракции*. Вместо того чтобы становиться более глобальными, мы становимся все более региональными и обособленными. Интересы малых групп и меньшинств отдельных обществ вытесняются на периферию социальной жизни, поскольку они едва ли могут надеяться на право голоса в глобальной медиакulturе, где средства массовой коммуникации и каналы передачи информации принадлежат небольшому числу медиамагнатов. Данное обстоятельство позволяет задуматься о том, придем ли мы к «глобальной деревне» или к «глобальным трущобам».

7. Глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) приводит к изменению социальной структуры общества. По-

мимо возникновения новых форм сетевой и виртуальной идентичности, происходит расслоение общества по информационному признаку, т. е. по уровню владения знаниями и информацией. Появляются понятия «информационная бедность», «информационное неравенство». Социальная стратификация приобретает новые очертания: общество делится не по классовому признаку, а по уровню знаний и профессионализма. Бурный скачок ИКТ приводит к отставанию отдельных слоев населения от прогресса технологий (имеются в виду пожилые люди и представители регионов, пока не достигших достаточного технологического развития, способствующего вступлению в новую эру информационной цивилизации).

Все вышеперечисленные характеристики глобализации культуры наглядно демонстрируют сложность и противоречивость данного процесса.

В результате проведенного исследования в соответствии с поставленными задачами сделан ряд выводов. Во-первых, на фоне становления глобального экономического, политического и социокультурного пространства наблюдаются обратные тенденции, которые свидетельствуют о том, что сближение мирового сообщества часто носит весьма условный характер. Но если в торгово-финансовом секторе и политической сфере глобализационные процессы способствуют усилению единства и взаимосвязи между людьми, то в сфере культуры это часто приводит к замещению традиционных, устоявшихся форм культуротворчества иными аксиологическими и символическими формами духовной культуры, нередко эпатажными, недолговечными и не содержащими глубинных смыслов. Это ведет к упрощению, архаизации, стагнации или – в крайнем случае – к разрушению и исчезновению культуры. Во-вторых, основными тенденциями социодинамики являются становление полицентричной модели мира, унификация культуры, преобладание массовой культуры, кризис механизмов идентификации, изменение социальной структуры общества и появление нового класса профессиональных управленцев в связи с распространением современных технологий и др. В-третьих, глобализация становится в современных реалиях не фактором развития мирового сообщества, а фактором *раскола, дивергенции* мировой цивилизации.

Библиографические ссылки

1. Ritzer G. *The McDonaldization of Society: an Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life*. Thousand Oaks: Pine Forge Press; 1993. 265 p.
2. Barber BR. *Consumed: how markets corrupt children, infantilize adults, and swallow citizens whole*. New York: W. W. Norton; 2007. 406 p.
3. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: Free Press; 1992. 418 p.
4. Фролова ЕВ. Глокализация как важнейший аспект глобализации. *Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 5. Политология, философия, история, филология*. 2007;15:26–30.

5. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications; 1992. 211 p.
6. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. Коробочкин М, переводчик. Москва: Весь мир; 2004. 120 с.
7. Радевич ЕВ. Глобализация культуры как предмет философской рефлексии. В: Гусаков ВГ, редактор. *Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Институт философии НАН Беларуси; 2017. с. 531–532.
8. Kellner D. *Media culture: cultural studies, identity and politics between the modern and post-modern*. New York: Routledge; 2000. 357 p.
9. Smith A. *National Identity*. Reno: University of Nevada Press; 1991. 226 p.
10. Hollis N. Rethinking globalization. *Marketing Research*. 2009;21(1):12–18.
11. Nietschmann B. The fourth world: nation versus states. In: Demko GJ, Wool WB. *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the 21st Century*. Boulder: Westview; 1994. p. 225–242.
12. Фролова ЕВ. Социокультурные приоритеты глобализации и информационные технологии в современных обществах. *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Социология*. 2008;21(1):270–274.
13. Snyder PD. Five meta-trends that are changing our world. *Futurist*. 2004;38(4):22–27.
14. Ерасов БС. *Социальная культурология*. 3-е издание, дополненное и переработанное. Москва: Аспект Пресс; 2000. 590 с.
15. Huntington SP. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996. 368 p.
16. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры*. Юдин А, переводчик. Киев: Ника-центр; 2004. 432 с.

References

1. Ritzer G. *The McDonaldization of Society: an Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life*. Thousand Oaks: Pine Forge Press; 1993. 265 p.
2. Barber BR. *Consumed: how markets corrupt children, infantilize adults, and swallow citizens whole*. New York: W. W. Norton; 2007. 406 p.
3. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: Free Press; 1992. 418 p.
4. Frolova EV. [Globalization as the most important aspect of globalization]. *Proceedings of BSTU. Series 5. History. Philosophy. Philology*. 2007;15:26–30. Russian.
5. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications; 1992. 211 p.
6. Giddens E. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway world: how globalization changes our lives]. Korobochkin M, translator. Moscow: Ves' mir; 2004. 120 p. Russian.
7. Radevich EV. [Globalization of culture as a subject of philosophical reflection]. In: Gusakov VG, editor. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire: tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [National philosophy in the global world: theses of the First Belarusian philosophy kongress; 18–20 October 2017; Minsk, Belarus]. Minsk: Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Belarus; 2017. p. 531–532. Russian.
8. Kellner D. *Media culture: cultural studies, identity and politics between the modern and post-modern*. New York: Routledge; 2000. 357 p.
9. Smith A. *National Identity*. Reno: University of Nevada Press; 1991. 226 p.
10. Hollis N. Rethinking globalization. *Marketing Research*. 2009;21(1):12–18.
11. Nietschmann B. The fourth world: nation versus states. In: Demko GJ, Wool WB. *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the 21st Century*. Boulder: Westview; 1994. p. 225–242.
12. Frolova EV. Sociocultural priorities of globalization and information technologies in the modern societies. *Uchenye zapiski Tavricheskogo national'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya*. 2008;21(1):270–274. Russian.
13. Snyder PD. Five meta-trends that are changing our world. *Futurist*. 2004;38(4):22–27.
14. Erasov BS. *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social cultural studies]. 3rd edition, explained and revised. Moscow: Aspect Press; 2000. 590 p. Russian.
15. Huntington SP. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996. 368 p.
16. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury* [Galaxy Gutenberg: creation of a man of the printed culture]. Yudin A, translator. Kiev: Nika-Center; 2004. 432 p.

Статья поступила в редакцию 13.05.2019.
Received by editorial board 13.05.2019.